

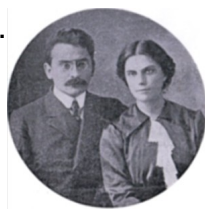

Митрофан Петрович Богаевский, историк – педагог, председатель Войскового Круга, заместитель Донского атамана.

Родился 23 ноября 1881г., ст. Каменской.

Детство провел в отцовском хуторе Петровское, недалеко от ст. Миллерово. В 1893 г. поступил в Новочеркасскую гимназию, которую окончил с некоторым опозданием в возрасте 20 лет. После этого успешно прошел курс историко-филологического факультета в Петербургском университете, состоя во все годы студенчества председателем Донского Землячества. Студенты ценили в нем его знания, его дар слова, его честность, его глубокую искренность в отношениях и даже смелый протест против ошибочных увлечений молодежи. Он был наиболее популярным и наиболее известным из всех студенческих старост столицы своего времени.

В 1911 г. по окончании университета, он вернулся на Дон и некоторое время состоял преподавателем истории, географии и латыни в Новочеркасской гимназии. Тогда же женился на Елизавете Дмитриевне Закаляевой, Казачке ст. Мелеховской. Тридцати трех лет отроду Богаевский получил назначение на должность директора гимназии в ст. Каменской и с увлечением посвятил свои духовные силы делу воспитания и образования казачьего юношества.

После февральской революции 1917 г. Казаки призвали его на поле служения народу и нашли в нем человека с живой общественной мыслью, с живым общественным характером и с живой общественной инициативой. Сограждане понимали также, что он был прочно связан со своим народом духовными и моральными узами.

В марте 1917г. население ст. Каменской послало его делегатом на Обще-Казачий Съезд в Петрограде, где он сразу занял место председателя собраний. В апреле того же года, будучи представителем ст. Каменской на Первом Съезде Донских Казаков в Новочеркасске, он снова избран председателем его и поставлен во главе Комитета по выработке Положения о выборах и созыве Войскового Круга. 26 мая Богаевский, как председатель возрожденного Казачьего Парламента, провозгласил: “Объявляю заседание Донского Войскового Круга, после двухсотлетнего перерыва, открытым”. В бурной обстановке решения спорных вопросов, 600 человек представителей от станиц и воинских частей внимательно прислушивались к словам своего председателя. Его спокойная, выдержанная речь сразу успокаивала разбушевавшиеся страсти, а высказанное им мнение почти всегда принималось – Собранием к руководству. На заключительном заседании Круг избрал его на пост Заместителя Войскового атамана. Его политическая деятельность на этом посту протекала в исключительно сложной обстановке. Пришли годы паденья прежних служилых авторитетов и замена их авторитетом казачьей народной воли. В многочисленной мемуарной литературе Митрофан Петрович Богаевский выступает как бы гением народоправства, возрожденного в казачьей среде. Считают, что просто невозможно достаточно оценить его заслуги в деле призвания к новой жизни полузабытых форм старинных казачьих политических традиций; что только он один мог провести “Митрофанов Сполох” в защиту атамана Каледина от нападок Временного правительства и привести в действие знаменитый казачий закон: “С Дона выдачи нет”; что именно по его внушению Донской Круг и атаман Каледин провозгласили независимость Дона от новой власти; что он, единственный из всего сонма казачьих руководителей того времени показал себя политическим и культурным деятелем такого уровня, до которого никто из Казаков еще не поднялся. И если в его время Донское правительство потерпело ряд роковых неудач, то в этом виновна только царившая тогда эпоха идеологической сумятицы, надломленность казачьего народного духа.

29 января. 1918г., одновременно с атаманом А.М. Калединым, сложил свои полномочия, по безнадежности положения, и его заместитель Богаевский. Он покинул Новочеркасск и удалился с женой в Сальский округ, куда вскоре пошли и Донские партизаны. 12 февраля столицу Дона занял отряд красных Казаков войскового старшины Голубова, а на следующий день в город нахлынули чисты красной гвардии и матросы, которые,

однако, ушли через несколько дней. В Новочеркасске остался небольшой гарнизон “голубовцев”, с приданным к нему отрядом красной гвардии из донских шахтеров. Ни Голубову, ни его красным Казакам Ростовский революционный комитет не верил. Может быть, надеясь укрепить доверие Ростова, Голубов в начале марта задумал поход в степи на Донских партизан. Его полкам была назначена погрузка в вагоны, но вскоре выяснилось, что люди не проявляют большой охоты к новым победам. Станичники, хоть и не бунтовали открыто, но выражали неудовольствие: зачем их посылают против своих же казаков. Погрузка была отменена и Голубов в революционном рвении, отправился один. Прибыв в ст. Великокняжескую, он собрал в ее районе банду из местных крестьян. Нагрянув ночью 6 (19) марта Голубов отыскал Богаевского в доме калмыцкого гелюна (священника) и взял его без сопротивления, после переговоров через закрытую дверь. От 6-го до 18-го марта держал его в арестных домах станиц Платовской и Великокняжеской, раздумывая, идти или не идти дальше в степи со своей разнузданной бандой. В конце концов решил бросить своих красных сподвижников и отправиться с пленником в Новочеркасск. Гарнизон города не проявил никакого энтузиазма по поводу пленения бывшего Заместителя атамана и на общем собрании молча выслушал доклад своего предводителя. Богаевский содержался на гауптвахте под охраной казаков. Через 3-4 дня его доставили на митинг в кадетский корпус. По каким мотивам Голубов допустил выступление своего пленника и почему митинг был устроен не в городской театре, как обычно, а в кадетском корпусе, осталось не выясненным. Предполагают, что Голубов со своим комиссаром пробовал устроить нечто вроде народного суда, но, зная настроения отряда, едва ли мог надеяться на какой либо действительный революционный эффект. Политический комиссар Ларин, человек чужой, мало знал сокровенные мысли казаков отряда. Предполагал, может быть, что инициатива казни Богаевского будет исходить от самих казаков и подсказывал ее в своем вступительном слове: “Народный суд может свершить свое право и здесь”, “воля народа может проявиться везде”. Но ни он, ни

Голубов не выступали с конкретными обвинениями, а предоставили Митрофану Петровичу Богаевскому слово, как обыкновенному оратору-докладчику. В продолжение трех часов никто его не прерывал, и все слушали с напряженным вниманием. Заместитель атамана Каледина давал отчет о своей деятельности, о своей службе интересам родного народа. А эти интересы он понимал почти также, как и каждый из присутствовавших казаков. Речь Донского Златоуста, как и всегда, не изобиловала риторическими приемами. Быстрая и искренняя, с редкими повышениями голоса, с минимальной жестикულიцией, она текла непрерывной струей три с лишним часа, захватывая слушателей логической глубиной мысли, изложенной в словах простых и понятных каждому рядовому слушателю. Три часа красные казаки могли не только слушать задушевные слова казачьей исповеди, обратившиеся в высокую хвалу деятельности казачьих вождей, но и наблюдать своего недавнего лидера, небольшого, худого, изможденного; видеть печальную тень его черных мудрых глаз, его смуглое лицо под темной копной кудрявой шевелюры, видеть в нем по всему облику своего казака и сравнить с недавними революционными союзниками, матросами и красной “силой”, той “чужой рваньей”, с которой, по их мнению невозможно было найти ни общих

идеалов, ни общего языка. Здесь же казак объяснялся с казаками и каждое его слово находило отклик в душе слушателей. После его речи Голубова окружила толпа присутствующих. Спрашивали, что он думает делать с пленником. “Товарищи, -ответил тот, – Ростов требует его выдачи”. “Бросьте! г-н войсковой старшина. Ну какие мы вам товарищи”, сказал кто-то около него. “Нет, товарищи, – возразил Голубов, – я старый социалист – революционер и это слово для меня священо”. “Ладно уж! -раздалось из толпы, – Богаевский наш казак и вы не должны отдавать его в чужие руки.” “Хорошо, я об этом подумаю,” – сказал Голубов и толпа стала расходиться. Голубов, действительно не выдал Богаевского в руки Ростовского Исполкома и его отношения с краевой красной властью по этому поводу испортились окончательно. Через несколько дней делегаты Новочеркасского гарнизона, явившись на Съезд Советов в Ростов, не получили на нем права решающего голоса. Оставшись на съезде с голосом совещательным, они скоро услышали о том, что красная гвардия с броневиками заняла Новочеркасск, разогнала весь казачий гарнизон и взяла с гауптвахты М.П.Богаевского. С началом восстания низовых станиц, комиссар Яков Антонов вместе с красным командиром Рожинским изъяли его из ростовской тюрьмы, вывезли в близлежащую Балабаковскую рощу и там 1(14) апреля 1918 г. убили двумя выстрелами в затылок.